

О ПРОБЛЕМАХ ЯДЕРНОГО РАЗОРУЖЕНИЯ

© 2014 г. **Г.Б. Корсаков***

*Институт мировой экономики и международных отношений
РАН, Москва*

В статье исследуются различные аспекты проблемы ядерного разоружения, способные оказать существенное влияние на стратегическую стабильность в XXI веке. Также рассматриваются работы большого числа экспертов, которые анализируют значение и роль ракетно-ядерного оружия, глобальной системы ПРО в стратегической «системе ценностей».

Ключевые слова: *глобальное ядерное разоружение, стратегические наступательные вооружения, ядерное планирование, стратегия ядерного сдерживания, ПРО, ядерное нераспространение, неядерное высокотехнологичное оружие.*

Со второй половины первого десятилетия XXI века в академическом сообществе и в политической элите США весьма широко обсуждаются проблемы глобального ядерного разоружения, возможность достижения в долгосрочной перспективе всеобщей и полной ликвидации ядерного оружия. Так, в 2005 г. известный военный специалист Р. Макнамара, занимавший пост министра обороны в администрации президента Дж. Кеннеди, заявлял, что возможное применение ядерного оружия в рамках стратегии взаимного гарантированного уничтожения во всё более неустойчивом и разбалансированном мире способно привести к суицидальному концу для всего человечества [23].

В январе 2007 г. видные представители американского военно-политического истеблишмента периода «холодной войны» – бывшие госсекретари Г. Киссинджер и Дж. Шульц, бывший министр обороны У. Пери и бывший сенатор С. Нанн выступили со статьёй в газете «Уолл-стрит джорнел» [33], в которой, высказываясь за пересмотр американской ядерной политики, в частности заявили, что США должны поставить перед собой цель достижения «мира, свободного от ядерного оружия»^{**}. По их мнению, в XXI веке «абсолютное» оружие утратило свою значимость, как фактор военной силы, и в условиях кардинально изменившегося геополитического ландшафта планеты выступает как отживший рудимент «холодной войны». Эти видные представители политической элиты США утверждали, что мировой порядок находится в опасной поворотной точке и меры, предпринимаемые международным сообществом для противодействия новым ракетно-ядерным угрозам, явно недостаточны. Они призвали руководителей стран, обладающих ядерным оружием, принять экстренные меры по укреплению международной безопасности и созданию условий для всеобщей и полной ликвидации ракетно-ядерного оружия.

* **КОРСАКОВ** Георгий Борисович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник ИМЭМО РАН.

** Подробнее см.: «США ❖ Канада», 2008, № 10, с. 49.– *Ред.*

В декабре 2008 г. более чем 100 гражданских, военных и политических деятелей выдвинули международную инициативу «Глобальный ноль»^{*}, целью которой провозгласили поэтапное уничтожение к 2030 г. всех ядерных запасов, находящихся в распоряжении участников «ядерного клуба» [14].

Между тем, такой кардинальный поворот в области ядерного разоружения требует, по мнению влиятельных американских специалистов, глубокой проработки. Так, руководимая бывшими министрами обороны У. Перри и Дж. Шлесинджером специально созданная в 2009 г. двухпартийная комиссия Конгресса, внимательно изучив проблему ядерного разоружения, пришла к выводу: «Необходимых условий, при которых могла бы возникнуть возможность всеобщей и полной ликвидации ядерных вооружений в обозримом будущем не существует, а их появление потребовало бы фундаментальной трансформации всего мирового политического порядка» [31].

Ещё в начале 1960-х годов один из основоположников американской ядерной доктрины периода «холодной войны» системный аналитик корпорации РЭНД Г. Кан в своих «размышлениях о немыслимом» рассматривал «ядерный фактор» как неотъемлемый компонент военно-политической стратегии, играющий перво-степенную роль в достижении победы американских ВС не только в ограниченной ядерной войне, но и в затяжном ядерном конфликте [17].

И сегодня ряд направлений развития военной политики Вашингтона, например продолжающийся процесс расширения «зон ответственности» НАТО, развертывание глобальной системы ПРО, в том числе за пределами национальной территории, активное применение информационного оружия в глобальном масштабе и пр. явно не стыкуются с этими стратегическими установками. Негативное воздействие на систему международной безопасности оказывает и низкая эффективность режима нераспространения ядерных и ракетных технологий. При этом США продолжают широко применять в своей военно-политической стратегии силовые методы решения международных проблем, которые американское руководство считает действенным инструментом реализации военной политики в различных регионах планеты. Всё это может значительно подорвать перспективы ядерного разоружения и прежде всего негативно сказаться на дальнейшем сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ) рядом ведущих стран мира или вовсе приостановить этот процесс.

Политика США в области СНВ

После избрания в 2009 г. Б. Обамы на пост президента США администрация демократов объявила о намерении значительно сократить американский ядерный арсенал. Результатом переговоров между главными ядерными державами мира – США и Россией – стало подписание 8 апреля 2010 г. Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений, вступившего в силу 5 февраля 2011 года.

В июне 2013 г. президент Б. Обама утвердил «Стратегию применения ядерного оружия», в которой были провозглашены руководящие принципы американской ядерной политики применительно к постоянно изменяющимся военно-стратегическим условиям XXI века [13]:

^{*} Детали инициативы см.: «США ❖ Канада», 2011, № 1, с. 38–39. – *Ред.*

- опора на стратегию ядерного сдерживания для решения задач обеспечения национальной безопасности;
- снижение роли ядерного оружия до уровня его применения лишь в чрезвычайных обстоятельствах;
- повышение «порога применения» ядерного оружия для сдерживания нападения с применением обычных средств;
- отказ в перспективе от запуска стратегических ядерных сил (СЯС) в условиях внезапного разоружающего контрсилового удара (по сути, отказ от ответно-встречного удара);
- формирование альтернативного подхода к поддержанию надёжного и безопасного ядерного арсенала в условиях прогнозируемых геополитических и военно-стратегических рисков;
- направление крупных инвестиций на сохранение и поддержание высокой готовности объектов и инфраструктуры ядерно-оружейного комплекса.

Совершенно очевидно, что провозглашённые Б. Обамой в этом документе положения никак не свидетельствуют о стремлении США к ядерному разоружению. К тому же, как следует из доктринальных документов Министерства обороны, стратегические ядерные силы США будут решать задачи ядерного сдерживания вплоть до 2050-х годов и далее [28].

Стоит напомнить и то, что применение ядерного оружия ещё недавно рассматривалось американским руководством в качестве эффективного средства решения региональных проблем*. Так, в июне 2002 г. тогдашний президент Дж. Буш-мл. подписал Президентскую директиву по обеспечению национальной безопасности № 14, в которой были закреплены доктринальные положения по применению ядерного оружия против так называемых стран «оси зла» – Северной Кореи, Ирана, Ирака, Ливии и Сирии, имеющих, по оценкам аналитиков национального разведывательного сообщества, программы по созданию ядерного и химического оружия [35]. При этом отмечалось, что ядерное оружие может быть применено против этих стран превентивно.

Стратегия применения Соединёнными Штатами ядерного оружия первыми была закреплена ещё в так называемых «негативных гарантиях безопасности» (*negative security assurance*), предложенных в 1978 г. (и модифицированных в 1995 г.) тогдашним госсекретарём С. Вэнсом. Документ декларировал, что США не будут применять ядерное оружие против неядерных государств – членов Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), которые действуют в соответствии со взятыми обязательствами. В то же время, американскому руководству фактически давалось право на применение ядерного оружия первыми против ядерных государств-оппонентов или стран стремящихся создать или приобрести оружие массового уничтожения (ОМУ).

В отношении стран, на которые не распространяются гарантии безопасности, т.е. обладающих ядерным оружием и/или не выполняющих своих обязательств в области ядерного и ракетного нераспространения, американские

* Со времени создания и первого применения в 1945 г. ядерного оружия американское военнополитическое руководство осуществляло ядерное планирование во всех крупных конфликтах, в которых были задействованы ВС США, – в период Берлинского (1961 г.) и Карибского (1962 г.) кризисов, в период ведения войн в Корее (1950–1953 гг.) и во Вьетнаме (1965–1975 гг.), а также в ходе первой войны в Персидском заливе (1990–1991 гг.) [4].

стратегические ядерные силы служат и будут в дальнейшем служить фактором стратегического сдерживания возможного нападения на США, их союзников и партнёров с применением не только ядерного, но и обычного, химического или биологического оружия. Тем самым, в США продолжает действовать стратегия применения ядерного оружия первыми [6; 10; 12; 21]. Причём, в Оперативном плане-8010 «Стратегическое сдерживание и глобальный удар» (*Strategic Deterrence and Global Strike – OPLAN 8010*), введённом в действие в декабре 2008 г., главными целями стратегических ядерных сил США были названы Россия, Китай, Северная Корея, Иран, Сирия, а также различные террористические группировки, действующие во взаимодействии с каким-либо «проблемным» государством [20]. Отметим, что в ежегодном докладе директора Национальной разведки Дж. Клэппера, сделанном в марте 2013 г. в сенатском комитете по разведке, в ряду основных угроз национальной безопасности США был назван рост военных потенциалов России и Китая, особенно в сфере ракетно-ядерных вооружений [8].

Наряду с нанесением ядерных ударов по вероятному противнику, план включает также различные варианты применения неядерного дальнего высокотехнологичного оружия. Примечательно, что в доктринальных документах Пентагона Россия по-прежнему обозначена как «наиболее мощный потенциальный противник США».

Технологическим инструментарием проведения ядерной политики США служат МБР «Минитмен III», БРПЛ «Трайдент II», а также тяжёлые бомбардировщики *B-52H* «Стратофортресс» и *B-2A* «Спирит» (см. табл. 1).

В целях повышения боеготовности ракетного и авиационного компонентов стратегической триады для решения ядерных задач в декабре 2009 г. было сформировано и приступило к несению боевого дежурства Командование глобальных ударов (*Air Force Global Strike Command*). С февраля 2010 г. в структуру командования (авиабаза Барксдейл, штат Луизиана) входят силы МБР и стратегической авиации. Как ядерный компонент ВВС, Командование глобальных ударов будет выделять эти средства в оперативное подчинение Объединённому стратегическому командованию для решения ядерных задач с применением МБР и тяжёлых бомбардировщиков.

Срок службы МБР «Минитмен III» продлён до 2030-х годов, что отодвигает ранние планы Пентагона по их замене в 2018 г. Планируется, что МБР следующего поколения начнут поступать на вооружение с середины 2030-х годов. С 2011 г. все МБР оснащаются моноблочной ядерной боеголовкой. Стоящие на боевом дежурстве тяжёлые бомбардировщики *B-2A* «Спирит» оснащаются ядерными авиабомбами *B-61* и *B-83* (до 16 авиабомб на каждом) различных модификаций, тяжёлые бомбардировщики *B-52H* «Стратофортресс» – КРВБ (до 20 крылатых ракет на каждом) в ядерном и обычном оснащении, так как считается, что эти машины не могут преодолевать развитую систему ПВО противника. Также Пентагон планирует начать глубокую модернизацию КРВБ *AGM-86B* (по программе *Life Extension Program – LEP*), оснащённых ядерной боеголовкой *W80-1*. Программа, стоимостью около 1,3 млрд. долл., должна завершиться к 2019 году.

Командование ВВС планирует принять на вооружение к середине 2020-х годов крылатую ракету следующего поколения, создающуюся по технологии «стелс». Работы при участии ведущих военно-промышленных корпораций

Таблица 1

Ядерные силы США, 2013 г.

Тип /Обозначение	Количество носителей	Год начала развертывания	Число боезарядов X Мощность, кт	Количество боезарядов
<i>Межконтинентальные баллистические ракеты</i>				
<i>LGM-30G Minuteman III</i>				
<i>Mk-12 A</i>	200	1979	<i>1W78 X 335 (MIRV)</i>	250
<i>Mk- 21/SERV</i>	250	2006	<i>1W87 X 300</i>	250
Всего	450			500
<i>Баллистические ракеты подводных лодок</i>				
<i>UGM-133A Trident II D-5</i>	288			
<i>Mk-4</i>		1992	<i>4W76 X 100 (MIRV)</i>	368
<i>Mk-4A</i>		2008	<i>4W76-1 X 100 (MIRV)</i>	400
<i>Mk-5</i>		1990	<i>4W88 X 455 (MIRV)</i>	384
<i>Всего</i>	<i>288</i>			<i>1152</i>
<i>Бомбардировщики</i>				
<i>B-52 H Stratofortress</i>	93/44	1961	<i>КРВБ W80-1 X 5-150</i>	200
<i>B-2A Spirit</i>	20/16	1994	<i>Бомбы B61-7/-11, B83-1</i>	100
Всего	113/60			300
<i>Нестратегические силы</i>				
<i>КРМБ Tomahawk</i>		1984	<i>1W80-0 X 5-150</i>	0
<i>Бомбы B61-3, -4</i>		1979	<i>0.3-170</i>	200
<i>Всего</i>				<i>200</i>
Всего развёрнуто				~ 2150
Резерв				~ 2650
Всего				~ 4650
Ожидающие демонтажа				~ 3000
Общее количество				~ 7700

Kristensen H., Norris R. U.S. Nuclear Forces, 2013 // Bulletin of the Atomic Scientists. March/April 2013. P. 77-86.

идут в рамках программы *LRSO (Long Range Standoff)*. Тактико-технические характеристики перспективной КРВБ будут сопоставимы с основными параметрами КРМБ *RGM-109E* «Тактикл томахок». Планируется, что в рамках решения задач стратегического сдерживания дальность перспективной крылатой ракеты составит 3,5 тыс. км. Основным типом её оснащения станет ядерное, однако с учётом новейших оперативно-стратегических концепций применения стратегической авиации, часть крылатых ракет предполагается оснащать обычными боезарядами.

Большим преимуществом применения стратегической авиации с КРВБ различного оснащения считается способность тяжёлых бомбардировщиков рассредоточиться для обеспечения живучести, а в случае принятия решения об отмене боевой задачи вернуться на авиабазы. Также, в отличие от МБР и БРПЛ, самолёты стратегической авиации, как указывается в программе *LRSO*, могут быть развёрнуты в различных регионах планеты для усиления регионального сдерживания и подтверждения обязательств США перед союзниками и партнёрами по обеспечению региональной безопасности.

Активные мероприятия проводятся американским военным руководством и в области создания стратегического бомбардировщика следующего поколения, предназначенного для решения задач с применением, в том числе, ядерного оружия. Планируется, что первые такие машины начнут поступать в боевые подразделения со второй половины 2020-х годов [3].

Что касается морского компонента стратегической триады, то с 2010 г. все 14 ПЛАРБ класса «Огайо» оснащаются новейшей модификацией БРПЛ «Трайидент II», срок службы которых продлён с 30 до 44 лет.

В связи с изменившимися в XXI веке военно-стратегическими установками и переориентацией военной мощи США на Азиатско-Тихоокеанский регион и Юго-Восточную Азию, Министерство обороны планирует, что восемь ПЛАРБ будут нести боевое дежурство в акватории Тихого океана, а шесть – в акватории Атлантического.

С начала 2030-х годов ПЛАРБ класса «Огайо» будут постепенно заменяться на атомные подводные ракетоносцы следующего поколения, общее количество которых составит к середине 2040-х годов 12 единиц с 16 БРПЛ на каждом. Для обеспечения большей оперативной гибкости с 2008 г. часть БРПЛ оснащается усовершенствованной модификацией ядерной боеголовки *W76-1*, которая позволит поражать широкий спектр мобильных и стационарных целей, в том числе высокозащищённых и заглублённых, с высокой точностью и большой поражающей мощностью. Запланировано производство и поставка в ядерные хранилища около 2 тыс. таких боезарядов до 2017 года [20].

По состоянию на начало 2013 г. США имели 200 оперативно-развёрнутых нестратегических ядерных боезарядов – авиабомб *B-61* различных модификаций. Еще 800 нестратегических ядерных боезарядов, включая 200 ядерных боеголовок *W80-0* для КРМБ «Томахок» (*Tomahawk Land Attack Missile / Nuclear – TLAM/N*) находятся в неактивном резерве. С 2011 г. все КРМБ «Томахок» в ядерном оснащении сняты с боевого дежурства. Около 200 тактических ядерных авиабомб *B-61* развёрнуто на шести авиабазах в пяти странах НАТО (см. табл. 2). В 2005 г. авиабомбы *B-61* были выведены с авиабазы Рамштайн (Германия), а в 2006 г. – с авиабазы Лейкенхит (Великобритания) [36]. Помимо ударных истребителей *F-16C/D* «Файтинг фэлкон» (*Fighting Falcon*) амери-

канских ВВС, под ядерные задачи сертифицированы бельгийские и голландские истребители *F-16 A/B*, а также немецкие и итальянские истребители *PA-200* «Торнадо» (*Tornado*). Планируется, что постепенно эти машины будут заменяться на новейшие многофункциональные истребители *F-35A* «Лайтнинг II» (*Lightning II*) после их сертификации под ядерные задачи.

Отметим, что весь американский ядерный арсенал делится на две категории: боеготовые (оперативно-развёрнутые) и резервные боезаряды. При этом в первую категорию включены боезаряды, развёрнутые на боеготовых средствах доставки, во вторую категорию – неразвёрнутые боезаряды, которые, в свою очередь, также делятся на две категории:

- активные – представляющие собой часть так называемого «возвратного потенциала», которые могут быть развёрнуты на боеготовых средствах доставки в короткие сроки;
- неактивные – находящиеся на длительном складском хранении в качестве резерва.

Различные компоненты для ядерных боезарядов хранятся в качестве стратегического резерва на заводе в Пантексе (штат Техас) и в Окриджском хранилище (штат Теннесси).

Более того, в рамках стратегии «расширенного сдерживания» (*extended deterrence*), введённой в военно-политический лексикон в начале XXI века, некоторые американские аналитики предлагают в качестве эффективного инструмента противодействия новым ракетно-ядерным угрозам для США, их союзников и партнёров использовать также крылатые ракеты различного базирования в обычном оснащении [37]. Это, по их мнению, должно повысить эффективность контроля за эскалацией конфликта, а также расширить спектр применения стратегии ядерного сдерживания. Важное место в решении этой задачи отводится КРМБ «Тактикл томахок», которыми оснащаются многоцелевые атомные подводные лодки, крейсера и эсминцы. Всего на надводных кораблях и атомных подводных лодках ВМС США может быть развёрнуто к концу десятилетия до 5 тыс. КРМБ.

Отметим, что ещё в начале XXI века американское военное руководство приняло решение о переоборудовании четырёх ПЛАРБ в носители крылатых ракет, при этом каждая боевая платформа может нести до 154 КРМБ, способных перенацеливаться в полёте, в течение нескольких часов маневрировать в районе цели для её поиска и доразведки, а также поражать цели на расстоянии до 2,5 тыс. км. Одна такая боевая платформа по своей совокупной ударной мощи способна заменить до 13 многоцелевых атомных подводных лодок или до трёх эсминцев, при этом, в отличие от надводных кораблей подводные лодки способны атаковать цели неожиданно для противника. Кроме того активно развивается программа *FIA (Future Imagery Architecture)* по созданию всепогодной спутниковой системы наблюдения, главная цель которой – слежение, в частности, за передвижением грунтово-мобильных ракетных комплексов стратегического назначения в режиме реального времени.

Главным стимулом для переоборудования четырёх ПЛАРБ под неядерные задачи послужило, как представляется, формирование американским военным руководством стратегии «расширенного сдерживания» на основе применения ядерных и обычных дальнебойных высокотехнологичных систем вооружений в качестве приоритетной меры силового давления на потенциальных противни-

Таблица 2

Базирование тактического ядерного оружия США в Европе, 2011 г.

Государство	Авиабазы	Средства доставки	Развёрнуто	
			Ядерные хранилища	авиабомбы
Бельгия	Кляйне-Брогель (<i>Kleine Brogel</i>)	Бельгийские <i>F-16 A/B</i>	11	10–20
Германия	Бухель (<i>Buchel</i>)	Немецкие « <i>Tornado</i> »	11	10–20
	Норфених (<i>Norvenich</i>)		11	0
	Рамштайн (<i>Ramstein</i>)		55	0
	Шпангдалем (<i>Spangdahlem</i>)	Американские <i>F-16 C/D</i>	0	0
Греция	Арагос (<i>Araxos</i>)		11	0
Италия	Авиано (<i>Aviano</i>)	Американские <i>F-16 C/D</i>	18	50
	Геди-Торре (<i>Gheddi Torre</i>)	Итальянские « <i>Tornado</i> »	11	10–20
Нидерланды	Фолкель (<i>Volkel</i>)	Голландские <i>F-16 A/B</i>	11	10–20
Турция	Акинси (<i>Akinci</i>)	Турецкие <i>F-16 A/B</i>	6	0
	Баликесир (<i>Balikesir</i>)	Турецкие <i>F-16 A/B</i>	6	0
	Инжирлик (<i>Incirlik</i>)	Американские <i>F-16 C/D</i>	25	60–70
Великобритания	Лейкенхит (<i>Lakenheath</i>)	Британские <i>F-15 E</i>	33	0
Соединённые Штаты	Киртлэнд (<i>Kirtland</i>)		0	?
Пять стран	Шесть авиабаз		87	150–200

Norris R., Kristensen H. *U.S. Tactical Nuclear Weapons in Europe, 2011 // Bulletin of the Atomic Scientists. January/February 2011. P. 64–73.*

ков. По мнению заместителя госсекретаря по контролю над вооружениями и международной безопасности Элен Таушер, стратегия «расширенного сдерживания» сделает управление конфликтом более гибким и позволит сформировать условия для политического урегулирования ещё до его перерастания в региональную войну [34]. В свою очередь, сторонники «традиционного» ядерного сдерживания, высказывая озабоченность в связи с продолжающимся процессом распространения ядерных и ракетных технологий, считают полный отказ от ядерного оружия как средства стратегического сдерживания преждевременным, по крайней мере, до тех пор, пока не будет развёрнут другой компонент стратегической триады – эшелонированная глобальная система ПРО, которая, по их мнению, позволит избежать сокрушительного возмездия, а также лишит противника возможности нанести удар первым [7].

В стратегию «расширенного сдерживания» органично вписывается и оперативно-стратегическая концепция «быстрого глобального удара» (*prompt global strike*), главная цель которого – поражение в сжатые сроки жизненно важной военной и промышленной инфраструктуры в глубине территории противника с применением новейших неядерных дальнобойных высокотехнологичных систем вооружений. Планировалось, что основным ударным средством в рамках этой концепции должна стать БРПЛ «Трайдент II» в неядерном оснащении. При этом объектами поражения могут служить стационарные и мобильные цели. Так, в рамках программы *CTM (Conventional Trident Modification)* предполагалось, что на каждой из 14 действующих ПЛАРБ две из 24 БРПЛ будут оснащаться обычными боеголовками.

Однако эта программа подверглась критике со стороны американских экспертов за то, что система предупреждения о ракетном нападении государства-оппонента будет неспособна точно определить вид оснащения (ядерное или обычное) баллистических ракет, задействованных в ракетном ударе, что, в свою очередь, может привести к эскалации ядерного конфликта [25].

В целом, проводимая военно-политическим руководством США во «втором ядерном веке» политика в области СНВ включает проведение программ модернизации стратегических и тактических ядерных вооружений, поддержание ядерных средств передового базирования в высокой боевой готовности, развёртывание и сертификацию под выполнение ядерных задач новейших стратегических носителей, привлечение союзников к процессу ядерного планирования в рамках НАТО и наращивание неядерных СНВ. И, как следует из доктринальных документов США в области национальной безопасности, в XXI веке важным элементом глобального военного баланса станет масштабное развёртывание и применение неядерного дальнобойного высокотехнологичного оружия, усиленное эшелонированной системой ПРО, а ракетно-ядерному оружию будет отведена роль, в первую очередь, средства стратегического сдерживания*.

Фактор ПРО в российско-американских отношениях

Проблема противоракетной обороны по-прежнему остаётся ключевой в российско-американских стратегических отношениях. Несмотря на включение

* Подробнее см.: Корсаков Г.Б. Тенденции развития военной политики Вашингтона // США ❖ Канада. 2011. № 2. – Ред.

(хотя и не закреплённое на международно-правовом уровне) фактора ПРО в двусторонние договорённости по СНВ, демократы не собираются отказываться от запланированных ещё при республиканцах основных программ по созданию и развёртыванию различных компонентов глобальной системы ПРО*.

Так, министр обороны Ч. Хейгел, сменивший на этом посту Л. Панетту, в марте 2013 г. озвучил изменения в планах по наращиванию американского противоракетного потенциала [22]. Министерство обороны планирует продолжить реализацию так называемого «Европейского поэтапного адаптированного подхода» (*European Phased Adaptive Approach*) с четырьмя фазами развёртывания средств ПРО на территории Европы, который был разработан ещё в 2007 г. и где в качестве позиционных районов ПРО указывается ряд стран Восточной и Юго-Восточной Европы. При этом главным отличием программы, озвученной Хейгелом, от плана республиканской администрации служит некоторое продление периода развёртывания четвёртой фазы, которая в соответствии с предыдущим проектом должна была завершиться к 2020 году.

Планируется продолжить процесс развёртывания различных компонентов системы ПРО на территории Польши и Румынии, а именно: ракет-перехватчиков *SM-3* различных модификаций, многофункциональных радаров ПРО, боевых информационно-управляющих систем «Иджис» (*Aegis*) наземного базирования, командных пунктов, средств связи и тылового обеспечения. Отметим, что оперативные базы ПРО, развёрнутые на территории этих стран, будут встроены в совместную американско-европейскую архитектуру системы ПРО НАТО, главная стратегическая цель которой – прикрытие всех стран-членов альянса от ударов баллистических ракет, в первую очередь, иранских и северокорейских. При этом главным отличием обновлённого плана от предыдущего станет замена новейшей модификации ракеты-перехватчика *SM-3 (Block IIB)* на менее мощный вариант – *SM-3 (Block IIA)*. Примечательно, что противоракеты *SM-3* обеих модификаций предназначены для перехвата МБР и БРПЛ в разгонной фазе полёта.

Важнейшим фактором развития американской политики в области ПРО на европейском континенте, помимо поддержки национального оборонно-промышленного комплекса, служит намерение военно-политического руководства США сплотить на долгосрочную перспективу союзников по НАТО. Добиться этого предполагается путём их привлечения к совместной программе по созданию и развёртыванию противоракетной инфраструктуры, которую европейские союзники не могут развивать самостоятельно. Тем самым планируется придать Североатлантическому альянсу новый импульс.

Также американское военное руководство считает необходимым наращивать противоракетный потенциал в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Как следует из доклада Хейгела, Пентагон намерен развернуть на территории Японии второй транспортабельный радар ПРО *AN/TPY-2*, который должен обеспечить раннее обнаружение любых БР, запущенных в сторону США или Японии с территории Северной Кореи. Отметим, что базирование двух радаров ПРО на территории Японии позволит контролировать ракетные пуски

* Подробнее см.: *Корсаков Г.Б.* Глобальная система ПРО США – дилемма международной безопасности // США ❖ Канада. 2009. № 10. – *Ред.*

далеко за пределами зоны, ограниченной прилегающими акваториями. Помимо Японии многофункциональные радары ПРО планируется развернуть также на территории Израиля, Турции и ОАЭ.

Помимо усиления противоракетного потенциала в Европе и АТР Пентагон продолжит наращивать инфраструктуру ПРО на территории США. Так, к концу 2017 г. планируется дополнительно развернуть 14 стратегических ракет-перехватчиков *GBI (Ground Based Interceptor)* шахтного базирования на военной базе Форт-Грили (штат Аляска), а также увеличить количество позиционных районов ПРО на Атлантическом и Тихоокеанском побережье США.

Своеобразным прологом намеченных американским руководством корректив в области ПРО стали два доклада специалистов Научного совета Минобороны и Национальной академии наук [9; 11]. В них указывалось, что финансирование программ ПРО должно быть значительно увеличено, а всю противоракетную архитектуру следует трансформировать в сторону расширения профильной инфраструктуры и качественной модернизации её компонентов. Американские специалисты предлагают следующие меры:

- развернуть новый позиционный район ПРО, либо на военной базе Форт-Драм (штат Нью-Йорк), либо в штате Мэн, с формированием профильной инфраструктуры – шахт для ракет-перехватчиков, системы боевого управления, средств физической защиты;
- развернуть новый позиционный район ПРО недалеко от базы МБР Гранд-Фокс (штат Северная Дакота);
- создать более скоростные и меньшие по габаритам двухступенчатые противоракеты для новых позиционных районов ПРО;
- заменить в среднесрочной перспективе все стратегические ракеты-перехватчики *GBI*, развернутые на авиабазе Ванденберг (Калифорния) и на военной базе Форт-Грили (Аляска) на новейшие высокоскоростные противоракеты, а также построить для них новые шахты;
- разработать новую заатмосферную ступень перехвата *EKV (Exoatmospheric Kill Vehicle)* для ракет-перехватчиков *GBI* с улучшенными характеристиками по поиску и отслеживанию целей;
- разработать новый многофункциональный радар дальнего обнаружения наземного базирования *XBR* кругового обзора, превосходящий по мощности транспортабельный радар *AN/TPY-2*;
- развернуть новейшие радары в пяти пунктах базирования: Файлингдейлс (Великобритания), Туле (Гренландия), Кейп-Код (Массачусетс), Гранд-Форкс (Северная Дакота), Клир (Аляска);
- развернуть многофункциональный радар дальнего обнаружения морского базирования *SBX (Sea-Based X-Band Radar)* с базированием на постоянной основе в порту Адак (Алеутские острова) с техническими усовершенствованиями, позволяющими противостоять суровым климатическим условиям;
- разработать более мощный радар для замены радара *SPY-1*, которым оборудованы корабли с системой управления «Иджис»;
- разработать новейшую систему наблюдения в инфракрасном диапазоне воздушного базирования *ABIRS (Airborne Infrared Surveillance system)*, обладающую улучшенными характеристиками по сбору и обработке информации по сравнению с действующей системой *ABIR (Airborne Infrared system)*;

- разработать новейшую спутниковую система наблюдения *PTSS (Precision Tracking Space System)*, которая должна объединить функции двух различных систем наблюдения космического базирования – *SBIRS (Space-Based Infrared System)* и *STSS (Space Tracking and Surveillance System)* для замены действующей системы *DSP (Defense Support Program satellites)*.

Отметим, что ещё в конце срока своего президентства, в январе 2009 г. президент Дж. Буш-мл. подписал Президентскую директиву по обеспечению национальной безопасности № 66, в которой закреплялись военно-стратегические установки по защите национальных интересов в Арктике [5]. Наряду с другими важнейшими аспектами усиления военного присутствия в Арктическом регионе (защита морской, воздушной и наземной границы, постоянное военно-морское присутствие, обеспечение безопасности морских коммуникаций, всесторонняя разведывательная деятельность), особый акцент был сделан на дальнейшем наращивании противоракетного потенциала, в частности, элементов системы предупреждения о ракетном нападении, а также на усилении сил и средств стратегического сдерживания. Планировалось, в частности, модернизировать радар СПРН на посту Туле, а также расширить инфраструктуру ПРО на военной базе Форт-Грилли, где к тому времени уже было развернуто 26 стратегических ракет-перехватчиков *GBI*.

Вашингтон неоднократно заявлял, что глобальная система ПРО, компоненты которой США развёртывают в Европе, АТР и на национальной территории, не преследует цель девальвировать российский потенциал стратегического ядерного сдерживания. Поэтому оно и отказалось якобы в 2009 г. от планов развёртывания средств ПРО в Чехии и Польше [24]. Вместо этого планируется сформировать в среднесрочной перспективе другую архитектуру ПРО на территории стран Восточной и Юго-Восточной Европы, предназначенной для отражения ракетных угроз, исходящих, в первую очередь, от Ирана и Северной Кореи. О существенном влиянии фактора ПРО на стратегическую стабильность пишут и известные американские аналитики из Брукингского института Стивен Пайфер и Майкл О'Хэнлон в своей книге «Возможность: следующие шаги в сокращении ядерных вооружений» [32].

В целом, американская политика в области ПРО преследует, как представляется, следующую цель – обеспечить в долгосрочной перспективе абсолютную неуязвимость национальной территории от ударов баллистических ракет любого вероятного противника. Для этого планируется, в частности, развивать средства противодействия маневрирующим боеголовкам, различным ложным целям, а также постановщикам помех для системы предупреждения о ракетном нападении и системы боевого управления.

Возможности и перспективы

В условиях снижения роли ядерного оружия в военно-политической стратегии США, закреплённого в начале XXI века в доктринальных документах в области национальной безопасности, американское руководство считает необходимым, тем не менее, поддерживать количественный состав СЯС на уровне, достаточном для нанесения любому государству-оппоненту (коалиции государств) неприемлемого ущерба. Так, по Договору СНВ 2010 г. количество оперативно-развёрнутых ядерных боезарядов у каждой из сторон не должно пре-

вышать 1550 единиц, а количество стратегических носителей – 800 единиц, из которых оперативно-развёрнутых – не более 700 единиц.

При этом США сохраняют возможность значительного превышения заявленных ограничений на количественные уровни оперативно-развёрнутых ядерных боезарядов, установленных договором. Это обеспечивается за счёт так называемого «возвратного потенциала», который включает технически годные к применению ядерные боезаряды, находящиеся на длительном хранении в ядерных хранилищах в готовности к установке на стратегические носители. Кроме того, дополнительные возможности по экстренному наращиванию СЯС имеются и за счёт возврата в боевой состав стратегических носителей, ранее выведенных в резерв, т.е. использования их «возвратного потенциала». В целом, проведение такой политики позволяет Соединённым Штатам нарастить в короткие сроки количество ядерных боезарядов на развёрнутых стратегических носителях более чем в 2 раза, что, по сути, ставит под вопрос выполнение такого важнейшего условия проводимых сокращений ядерных вооружений, как их необратимость. Отметим, что Россия последовательно выполняет все взятые обязательства по необратимому сокращению СНВ.

В этих условиях реализация политики США в области создания и развёртывания глобальной системы ПРО подрывает саму перспективу роста доверия и транспарентности в ядерной сфере между Россией и США, а процесс распространения ядерных и ракетных технологий вместо декларируемого замедления получает, как представляется, мощный стимул для дополнительного развития. При этом процесс дальнейших сокращений ядерных вооружений в силу объективно существующей взаимосвязи СНВ и ПРО будет, по меньшей мере, существенно осложнён или вообще приостановлен.

Отметим, что в преамбуле Договора СНВ сохранено положение из «Совместного понимания по вопросу о дальнейших сокращениях и ограничениях стратегических наступательных вооружений», подписанного президентами России и США в Москве в июле 2009 года, где закреплена «взаимосвязь стратегических наступательных и стратегических оборонительных вооружений» [16]. А в тексте самого договора дополнительно указано, что он «заключается в условиях, когда у сторон есть соответствующие уровни стратегических оборонительных систем. Изменение этих уровней оставляет каждой из сторон право решать вопрос о своём дальнейшем участии в процессе сокращения стратегических наступательных вооружений».

Такое пояснение было специально дано для случаев возможного изменения военно-стратегической ситуации, при которых развёртывание одной из сторон средств ПРО, способных в перспективе перехватывать МБР и БРПЛ на разгонном участке траектории, стало бы поводом для изменения позиции другой стороны по отношению к процессу дальнейших сокращений СНВ.

Ещё одним препятствием на пути к глобальному ядерному разоружению служат программы региональных государств по созданию ракетно-ядерного оружия. Так, по мере сокращения СНВ ядерными державами первого (США и Россия) и второго (Великобритания, Франция и Китай) уровней растущее воздействие на глобальный военный баланс начнут, возможно, оказывать ракетно-ядерные арсеналы развивающихся стран. Поэтому необходимым условием для глубоких и необратимых сокращений ядерных вооружений в глобальном масштабе должно стать поэтапное подключение в долгосрочной перспективе

других ядерных держав, при этом главная роль в этом процессе должна, безусловно, принадлежать «большой пятёрке» ядерных держав – постоянных членов Совета безопасности ООН. Для реализации этих планов, в свою очередь, потребуется более высокий уровень политического сотрудничества стран «большой пятёрки», а их руководящая роль могла бы состоять, например, в техническом контроле за выполнением запрета на воспроизводство ядерного оружия. Это означало бы, что государства, способные создать его в короткие сроки, не смогут его применить в условиях эскалации конфликта.

Важная роль в контексте глобального ядерного разоружения принадлежит и психологическим аспектам ядерной политики – факторам, не поддающимся количественному измерению. По мнению некоторых американских специалистов, стратегия ядерного сдерживания не исчезнет после полной ликвидации ядерного оружия и будет, возможно, проявляться в новой видоизменённой форме, – в виде способности восстанавливать ядерный арсенал в короткие сроки. По их мнению, стратегия ядерного сдерживания, основанная на «виртуальных» ядерных арсеналах, будет существовать даже в том случае, если само ядерное оружие будет ликвидировано [29]. Запрет на обладание ядерным арсеналом, по мнению американских экспертов, не исключает возможность воссоздать его в короткие сроки, что и должно служить сдерживающим фактором для вмешательства извне. При этом страны, обладающие опытом создания ядерного оружия, будут иметь неоспоримое военно-техническое, а следовательно, и военно-стратегическое превосходство над странами, у которых подобного опыта нет.

Примечательно, что ещё в 2008 г. в совместном докладе Министерства обороны и Министерства энергетики указывалось на то, что «гибкая ядерная инфраструктура» позволит США в меньшей степени полагаться в долгосрочной перспективе на их оперативно-развернутый и резервный ядерный арсенал [26]. При этом под «гибкой ядерной инфраструктурой» понимается система действующих национальных ядерных лабораторий, а также наличие соответствующих мощностей ядерно-оружейного комплекса для быстрого воспроизводства ядерных вооружений в случае необходимости.

Дополнительным стимулом для всеобщего и полного ядерного разоружения могло бы стать и скорейшее вступление в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ)*. Однако неоднократный отказ американского Сената ратифицировать этот договор вносит существенный элемент непредсказуемости в ядерную политику США, что, в свою очередь, заставляет другие ядерные державы, в первую очередь, государства, не подписавшие ДНЯО, формировать свою ядерную политику в условиях глобальной стратегической неопределенности. Ратификация ДВЗЯИ всеми ядерными и «пороговыми» (количество которых, по оценкам, приближается к 20) странами, добровольный отказ последних от разработки критических компонентов ядерного топливного цикла, а также помещение всех ядерных объектов «порого-

* Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний был открыт для подписания 24 сентября 1996 года. Договор должен вступить в силу через 180 дней после его ратификации 44 государствами, обладающими энергетическими и/или исследовательскими ядерными реакторами и чья ратификация необходима для его вступления в силу. Помимо США среди государств этой группы договор не ратифицировали Китай, Индия, Пакистан, Иран, Северная Корея и Израиль.

вых» стран под контроль и гарантии МАГАТЭ могло бы, как представляется, создать необходимые условия для поступательного движения к всеобщему и полному ядерному разоружению.

Продвижение к безъядерному миру невозможно и без построения современной, устойчивой к угрозам ядерного и ракетного распространения глобальной системы международного сотрудничества в сфере мирного использования ядерной энергетики, основанной на строгом соблюдении механизмов проверки ДНЯО. Одобрение Советом управляющих МАГАТЭ в 2006 г. предложения России о создании под эгидой агентства защищённого хранилища низкообогащённого урана стало важным шагом в этом направлении. США, со своей стороны, предлагают выработать комплекс мер по предотвращению создания критических технологий, напрямую связанных с производством ядерно-оружейных материалов с одновременным предоставлением заинтересованным странам возможности развивать их гражданскую ядерную энергетику.

Так, ещё в феврале 2006 г. США выдвинули инициативу «Глобальное партнёрство в ядерной энергетике», подтвердив её в «Стратегии национальной безопасности в сфере борьбы с оружием массового уничтожения» [27]. Её главная цель – создание международного режима для надёжного использования ядерной энергии в мирных целях путём поставок ядерного топлива заинтересованным странам и последующего возвращения отработанного материала без передачи им технологии обогащения урана. Достичь этой цели планировалось с помощью разработки усовершенствованных атомных реакторов, а также новейших технологий переработки отработанного ядерного топлива.

Ряд американских аналитиков предлагает и другие меры, способные привести к кратному повышению эффективности режима ядерного нераспространения. Так, С. Уинер из МТИ и Дж. Хайменс из Кембриджского университета полагают, что были бы полезны, например, такие меры как постоянное расширение зон, свободных от ядерного оружия; формирование механизма обмена информацией по всем ядерным программам и запасам расщепляющихся материалов; проведение как многосторонних, так и односторонних сокращений ядерных вооружений; и т.д. [15; 38].

Процесс глобального ядерного разоружения может столкнуться и с другой проблемой: многосторонние и необратимые сокращения ядерных вооружений не могут идти изолированно от одновременного процесса сокращения обычных вооружений, а также химического и, в особенности, биологического оружия. Поэтому важная роль в контексте глобального ядерного разоружения должна быть отдана скорейшему подписанию юридически обязывающего Протокола о проверке к Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (КБТО)*, с тем чтобы ввести механизм контроля за её выполнением, аналогичный мерам, предусмотренным для Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического

* КБТО была открыта для подписания 10 апреля 1972 г., вступила в силу 26 марта 1975 г. По состоянию на начало 2014 г. участниками конвенции являются 164 государства.

оружия и о его уничтожении (КХО)*. Такой механизм контроля должен быть запущен на глобальном уровне ещё до того, как ядерные державы приступят к процессу всеобщей и полной ликвидации ядерных вооружений. О важности этой проблемы в интересах международной безопасности свидетельствует, в частности, утверждённая в ноябре 2009 г. «Национальная стратегия борьбы с биологическими угрозами».

На этом же аспекте проблемы акцентируют внимание и американские эксперты – Г. Кобленц из Корнеллского университета, а также Л. Клоц и Э. Силвестр из Чикагского университета [18; 19]. О важности этой проблемы для процесса сокращения ядерных вооружений пишет и М. О'Хэнлон в своей книге «Скептицизм по поводу ядерного разоружения» [30].

* * *

Идущие в современном мире процессы глобальной трансформации несут риски самого непредсказуемого характера. Не без усилий США девальвировались и разрушались базовые принципы международного права, накапливались элементы напряжённости в системе международной безопасности в целом. При этом США всё стремительнее опережают ведущие страны в тех элементах обеспечения боевых действий, которые являются ключевыми для достижения победы в войнах будущего, а именно: проецирование военной силы в глобальном масштабе; комплексная разведка; использование единого координатного пространства в режиме реального времени; сопряжение различных систем боевого управления; массированное применение новейших средств поражения, оснащённых спутниковой навигацией; ведение информационного противоборства в глобальном масштабе. В свою очередь, активное применение в конфликтах различной интенсивности неядерных дальнобойных высокотехнологических систем вооружений, которые в недалёком будущем смогут решать те же военно-стратегические задачи, что и ракетно-ядерное оружие, безусловно, не будет способствовать укреплению стратегической стабильности.

Все эти последние тренды в стратегических планах Вашингтона безусловно должны учитываться в глобальном военном балансе. Его изменение в направлении усиления военной мощи одного государства может стать главным дестабилизирующим фактором мировой политики в XXI веке.

Отметим в связи с этим, что в утверждённой 12 мая 2009 г. Указом президента РФ «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» [2], особое внимание уделено «активным мероприятиям ряда ведущих стран мира по совершенствованию стратегических систем вооружений в неядерном оснащении, развёртыванию в одностороннем порядке глобальной системы ПРО, милитаризации космического пространства». В документе также обращено внимание на то, что в будущем вероятны рецидивы односторонних силовых действий в мировой политике.

В «Военной доктрине Российской Федерации», утверждённой 5 февраля 2010 г. указом президента РФ [1], указывается, что «неурегулированными ос-

* КХО открыта для подписания 13 января 1993 г., вступила в силу 29 апреля 1997 г. Каждый участник конвенции должен был ликвидировать все запасы химического оружия и объекты по его производству к 29 апреля 2012 г. По состоянию на начало 2014 г. участниками конвенции являются 188 государств.

таются многие региональные конфликты, сохраняются тенденции к их силовому разрешению, в том числе в регионах, граничащих с Российской Федерацией» и что «существующая архитектура (система) международной безопасности, включая её международно-правовые механизмы, не обеспечивает равной безопасности всех государств. При этом, несмотря на снижение вероятности развязывания против Российской Федерации крупномасштабной войны с применением обычных средств поражения и ядерного оружия, на ряде направлений военные опасности Российской Федерации усиливаются». Среди основных внешних военных угроз для России, помимо прочих, в документе названо «нарушение отдельными государствами международных договорённостей, а также несоблюдение ранее заключённых международных договоров в области ограничения и сокращения вооружений».

Процесс глобального ядерного разоружения связан с рядом важнейших проблем в системе международной безопасности, без решения которых невозможно достичь поступательного движения к безъядерному миру. Среди мер, направленных на достижение глобального ядерного разоружения, главное место должен занять стратегический диалог, способный укрепить взаимное доверие между ядерными державами, повысить уровень транспарентности в военной сфере в целом, а также позволяющий приступить к формированию новых стратегических отношений между ядерными державами, которые, возможно, выведут их за рамки взаимного ядерного сдерживания и позволят начать поэтапное движение в направлении ликвидации ядерного оружия.

Список литературы

1. Военная доктрина Российской Федерации // Российская газета. 10.02.2010.
2. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Российская газета. 19.05.2009.
3. Aircraft Investment Plan, Fiscal Years (FY) 2011–2040. Submitted with the FY 2011 Budget. Washington: U.S. Department of Defense, February 2010.
4. *Arkin W.* Calculated Ambiguity: Nuclear Weapons in the Gulf War // *Washington Quarterly*. Autumn 1996. P. 3-18.
5. *Blunden M.* The New Problem of Arctic Stability // *Survival*. October/November 2009. P. 121-142.
6. *Cimbala S.* Nuclear Weapons in the Information Age. London: Continuum, 2012. 238 p.
7. *Cimbala S.* Shield of Dreams: Missile Defense and U.S.–Russian Nuclear Strategy. Annapolis: Naval Institute Press, 2008. 193 p.
8. *Clapper James.* Annual Threat: Assessment of the U.S. Intelligence Community for the Senate Select Committee on Intelligence. Washington: 12.03.2013.
9. Committee on an Assessment of Concepts and Systems for U.S. Boost-Phase Missile Defense in Comparison to Other Alternatives, National Research Council. Making Sense of Ballistic Missile Defense. Washington: The National Academy of Sciences, 2012.
10. *Complex Deterrence: Strategy in the Global Age* / Eds. by T. Paul, P. Morgan, J. Wirtz. Chicago: The University of Chicago Press, 2009. 345 p.
11. Defense Science Board. Task Force report on Science and Technology Issues of Early Intercept Ballistic Missile Defense Feasibility. Washington: U.S. Department of Defense. September 2011.
12. *Delpech T.* Nuclear Deterrence in the 21st Century: Lessons from the Cold War for a New Era of Strategic Piracy. Santa Monica: RAND, 2012. 179 p.

13. Fact Sheet: Nuclear Weapons Employment Strategy of the United States. Washington: The White House. Office of the Press Secretary. 19.06.2013.
14. *Granoff J.* The Process of Zero // World Policy Journal. Winter 2009/10. P. 85-93.
15. *Hymans J.* Achieving Nuclear Ambitions: Scientists, Politicians, and Proliferation. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 315 p.
16. Joint Understanding for the START Follow-on Treaty. Washington: The White House. 8.07.2009.
17. *Kahn H.* Thinking about the Unthinkable. New York: Horizon Press, 1962. 254 p.
18. *Klotz L., Sylvester E.* Breeding Bio Insecurity: How U.S. Biodefense is Exporting Fear, Globalizing Risk, and Making Us All Less Secure. Chicago: The University of Chicago Press, 2009. 260 p.
19. *Koblentz G.* Living Weapons: Biological Warfare and International Security. Ithaca: Cornell University Press, 2009. 272 p.
20. *Kristensen H., Norris R.* U.S. Nuclear Forces, 2013 // Bulletin of the Atomic Scientists. March/April 2013, p. 77-86.
21. *Long A.* Deterrence: From Cold War to Long War. Santa Monica: RAND, 2008. 122 p.
22. *McLeary P.* U.S. To Boost Missile Defenses, Cites N.Korea // Defense News. 18.03.2013. P. 3.
23. *McNamara R.* Apocalypse Soon // Foreign Policy. May/June 2005. P. 28-35.
24. Missile Defense Agency Program Update, 11-MDA-6310. Washington: U.S. Department of Defense, August 2011.
25. *Morgan F. et al.* Dangerous Thresholds: Managing Escalation in the 21st Century. Santa Monica: RAND, 2008. 274 p.
26. National Security and Nuclear Weapons in the 21st Century. Washington: U.S. Department of Energy and U.S. Department of Defense. September 2008.
27. National Security Strategy to Combat Weapons of Mass Destruction. Washington: The White House. February 2006.
28. Nuclear Operations. Air Force Doctrine Document 2-12. Washington: U.S. Air Force. 7.05.2009.
29. Nuclear Weapons in a Transformed World: The Challenge of Virtual Nuclear Arsenals / Ed. by Mazarr M. New York: St Martin's Press, 1997. 404 p.
30. *O'Hanlon M.* A Skeptic's Case for Nuclear Disarmament. Washington: Brookings Institution Press, 2010. 174 p.
31. *Perry W., Schlesinger J. et al.* America's Strategic Posture: The Final Report of the Congressional Commission on the Strategic Posture of the United States. Washington: United States Institute of Peace Press, 2009. 158 p.
32. *Pifer S., O'Hanlon M.* The Opportunity: Next Steps in Reducing Nuclear Arms. Washington: Brookings Institution Press, 2012. 242 p.
33. *Schultz G., Perry W., Kissinger H., Nunn S.* A World Free of Nuclear Weapons.// The Wall Street Journal. 4.01.2007.
34. *Tauscher E.* U.S. Under Secretary of State for Arms Control and International Security. Remarks to U.S. Strategic Command Deterrence Symposium. Omaha, 30.07.2009.
35. The National Security Presidential Directive (NSPD) 14. Nuclear Weapons Planning Guidance. Washington: The White House. 28.06.2002.
36. *Norris R., Kristensen H.* U.S. Tactical Nuclear Weapons in Europe, 2011. // Bulletin of the Atomic Scientists. January/February 2011. P. 64-73.
37. *Thürnert O.* NATO, Missile Defence and Extended Deterrence // Survival. December 2009/ January 2010. P. 63-76.
38. *Weiner S.* Our Own Worst Enemy? Institutional Interests and the Proliferation of Nuclear Weapons Expertise. Cambridge: The MIT Press, 2011. 358 p.